очерк, публицистика

Алексей ВОРОНКОВ

Время на крови

Хроника страха

Мое поколение когда-то называли поколением, живущим без войны. Это уникальный случай в истории: обычно на каждый век приходится по несколько больших или малых войн, которые никого не обходят стороной.

Помню, как мы гордились этой своей уникальностью. Живем без войны! И никто из нас не гибнет от пуль, никто не возвращается домой калекой. А тут вдруг эта «вьетнамская» война. Но и ее мы, русское молодое поколение, не воспринимали как свою. И я не воспринимал, хотя мне, тогда молодому военному переводчику, пришлось принимать участие в некоторых операциях на территории Вьетнама. Я видел смерть. Но та смерть для меня была чужой, потому как среди убиенных, которых вытаскивали из джунглей, были американские и вьетнамские воины и ни одного моего соплеменника. Впрочем, мы по большому счету и не воевали на той войне, мы ее обслуживали: техникой, орудиями, снарядами, продовольствием. Потому мы сегодня и равнодушны к той войне, которая явилась для нас лишь малозначительным эпизодом истории.

А в начале восьмидесятых меня, офицера запаса, приписанного к спецназу ГРУ, срочно отправили на переподготовку. Я-то думал, все пройдет как прежде, — попрыгаем с парашютом, подорвем пару-тройку искусственных объектов, выполним еще кой-какие специальные учебные задания — и все. Оказалось, нас послали на войну. На афганскую. Нас собрали в одном большом среднеазиатском городе, где готовили к переброске. О той войне мы, как оказалось, ничегошеньки не знали, а тут вдруг…

— Да там настоящая бойня идет! — рассказывал мне командированный офицер-вертолетчик. — Мы их бьем, они нас… Тысячи трупов.

— Как, каких трупов? — изумился я тогда. Там же не обученные воевать, почти безоружные моджахеды, а у нас такая техника… Неужели и наших убивают?

— Убивают, да еще как! — подтвердил молодой фронтовик. — Да ты сходи в здешний госпиталь — сам все и увидишь…

И я пошел в госпиталь. И увидел изувеченных русских солдат. У некоторых не было сразу ни ног, ни рук — одна голова да туловище. Среди них были так называемые отказники, которые не желали возвращаться домой. Приезжали родители, плакали, хотели увезти сыновей на родину, но те ни в какую: «Здесь умрем».

А потом пошел потоком во все концы страны этот страшный «груз 200» — цинковые гробы с убиенными нашими парнями. И начались бесконечные похороны. И конец столетия вылился в сплошные похороны молодых солдат. Так вышло, что наше «мирное поколение» превратилось в поколение войны.

…Мне повезло: в Афганистане меня определили инструктором — занимался подготовкой диверсантов, некоторые потом возвращались с задания, другие — нет. Потому что там была настоящая война.

А под пулями мне все-таки пришлось побывать: в самый последний год второго тысячелетия, а потом — еще дважды. В первый раз я видел, как под натиском русского оружия отступали в горы моджахеды, эти безумные «воины Аллаха». Они тогда, почувствовав безнаказанность и наше бессилие, решили не только установить свою власть в Чечне, но и захватить Дагестан. Не дали. А на следующий год

они захватили Грозный и дрались там отчаянно. Я видел горы трупов с той и другой стороны. Я видел отрезанные головы, расчлененные тела, мертвых женщин, детей, стариков. Молох войны не щадил никого. Страшное это было зрелище. Как говорится, не для слабонервных…

Следующая поездка оказалась для меня роковой. Я попал в плен к моджахедам, чудом вырвался, а через два дня меня крепко контузило — боевики взорвали здание, возле которого я находился с группой наших и иностранных журналистов, и меня осколком бетона саданулo по спине…

То, что я увидел и прочувствовал тогда, я описал в двух своих романах, где все события происходят на фоне военной катастрофы. Оба этих романа — «Фронтовая «неотложка» и «Мужская дружба» — были изданы в 2007 году в московском издательстве «ЭКСМО». Первый роман, видимо, имел определенный коммерческий успех, поэтому уже в следующем году его переиздали, только уже под другим названием — «Брат по крови».

А тут вдруг мне снова «повезло». В июле 2008 года по приглашению старых друзей я выехал на отдых в Сухуми. Не буду врать: я кое-что уже знал о приближающейся грозе, о том, что Грузия хочет напасть на Абхазию, а заодно и на Южную Осетию. Правда, источник мне сообщил, что, скорее всего, грузинские военные начнут с Абхазии, потому как они уже успели до этого закрепиться в Кодорском ущелье. Ну разве мог пишущий человек отказаться от такого искуса, чтобы вписать в новейшую историю еще пару живых строк?

В Абхазии отдыхать — сплошное удовольствие: принимают местные хорошо, все дешево, а отдыхающих негусто. Боятся новой войны. Я, разумеется, пытался расспрашивать людей: мол, какая обстановка, как себя ведут грузины, просил подвезти меня к Кодору. Те с обидой говорили, указывая вдаль: вон там, дескать, стоят регулярные части грузин, захватившие нашу исконную территорию и перекрывшие вход в Кодорское ущелье. И добавляли: если начнется война — здесь ли, или у наших православных братьев-осетин, — мы выступим единым фронтом.

…Восьмого утром слышу: за окном шум, стрельба. Ну, думаю, началось. Оказывается, это была реакция местного населения на вторжение грузин в пределы Южной Осетии. Здесь всегда так: радость ли, беда ли — палят из «калашей» в небо почем зря.

Тут же началась запись добровольцев, и уже скоро отряды народного ополчения со всех концов Кавказа выдвинулись в сторону осажденного Цхинвала. В одном из таких отрядов был и я. Услышал на улице, что грузины убивают женщин и детей, что они расстреляли русских миротворцев, — ну и заклокотало у меня все внутри. Мои родители воевали против фашистов — видимо, эта генетическая память беды и мне передалась.

Нам выпало занять позицию в районе большого села Хетагурово, которое оказалось к тому времени наполовину разрушенным. Оно находится рядом с грузинской границей, вот по нему первому и ударила артиллерия. Со мной в насквозь интернациональном отряде оказались еще пять русских мужиков из отдыхающих. Вооружили нас, конечно, кое-как, в основном у всех были старые дробовики. Сказали: оружие добудете в бою. Мы так и делали: ночью наши бойцы совершили несколько дерзких вылазок в тыл противника и добыли с десяток автоматов. Но этим проблему мы не решили. По сравнению с нами грузины были прекрасно вооружены и экипированы, поэтому им ничего не стоило смять наше сопротивление. Но нам до поры везло, потому что основные силы противник бросил на Цхинвал, оставив несколько подразделений для зачистки территории. Вот их мы и пытались сдержать. Мы отбили несколько атак, однако понимали, что так долго продолжаться не будет — грузины обязательно вызовут подкрепление.

А где же наши? Неужто наша армия оставит нас в беде? — в отчаянии думали мы. Когда же увидели, что на помощь грузинам прибыло свежее подразделение, и вовсе сникли. Многие стали посылать родным и близким эсэмэски — прощались. Я тоже отправил несколько таких летучих весточек своим коллегам-журналистам в Благовещенск. Дескать, если ночью не появится российская армия, — нам каюк.

…Российские войска появились на следующий день. Это были подразделения 58-й армии, которые с ходу вступили в бой с противником. Задержись они чуток — и грузины уничтожили бы основную часть населения молодой республики. Уж так они зверствовали, так безжалостно убивали всех, кто попадался на их пути. Казалось, будто бы геенна огненная сошла

на землю, чтобы отдать все живое в жертву Молоху. Я много читал о зверствах нацистов, а тут вдруг и мне довелось увидеть нечто подобное.

Когда мы вошли в Цхинвал, перед нами открылась страшная картина. Всюду лежали истерзанные и окровавленные тела. В основном это были мирные жители — старики, женщины, дети. Те, кто остался жив, вывозили трупы за город и там хоронили. Трупы грузин не трогали — считали, что они не заслуживают того, чтобы их предавали земле. И это был явный жест мести тем, кто пришел сжечь эту многострадальную землю.

Конечно, не все так просто в этом многолетнем противостоянии, где по разные стороны фронта оказались недавние «братушки». Ведь если быть честными, грузин тоже понять можно. Особенно — простых людей, которых в начале девяностых южные осетины и абхазы заставили покинуть родные места, в результате чего у тех развился комплекс реваншизма. Ну разве они виноваты в том, что их политики в течение всей новейшей истории пытались сделать Грузию мононациональным государством, избавившись от «некоренного» населения, от «всех этих» абхазов, осетин, турок-месхетинцев и прочих? Так поступали меньшевики, захватившие после Октябрьского переворота власть в Грузии, которые, не скрывая собственных намерений, посылали войска уничтожать нацменьшинства; тот же ход повторил в начале девяностых первый президент новой Грузии Звиад Гамсахурдия…

Но в таких случаях, когда беда приходит в твой дом, обычно не разбираются, кто в том виноват. Вот и здесь — пострадало грузинское население, которое, уверовав в правоту своих вождей, встало под их знамена и принялось убивать бывших своих добрых соседей, вина которых лишь в том, что они принадлежали к другому роду-племени.

…Как же все-таки легко мы порой превращаемся из друзей во врагов. Особенно часто это происходит в переломные моменты истории, когда под действием революционных идей или же объективных эволюционных процессов общество начинает менять свое лицо. Новое всегда одних пугает, другим дает возможность увидеть для себя какие-то перспективы, но бывают и те, кто, потеряв прежние ориентиры и растерявшись, начинают искать виновных. Этих легко сбить с панталыку. Это лучший материал для всяких там фюреров, вождей и религиозных пророков. Им только свистни — и они тут же пойдут за теми, кто их поведет. Революция нужна? Пожалуйста! Еврейские погромы? С большим удовольствием! Хотите устроить межнациональную резню? И это мы можем… И это бесконечное безумство будет продолжаться до тех пор, пока общество снова не обретет стабильность и покой. И так до новых перемен…

Что это, закон природы или же результат того, что человечество находится на очень низкой ступени развития? А кто его знает. Только все повторяется из века в век…

Одни считают, что отсчет наших внутренних войн конца прошлого столетия — начала нынешнего нужно начинать с войны в Афганистане. Другие за точку отсчета берут начало горбачевской перестройки, когда законсервированное, авторитарное общество, почувствовав некоторую свободу, буквально взорвалось изнутри.

…Начало февраля 1990 года. В Благовещенске произошло событие, которое потрясло весь город. Всем нам был дан политический урок, который показал, что нет у страны подветренных сторон, вся она — общая арена, на которой творится единое действо. С его ветрами обновления и конфликтами, с его болями и радостями, с его добром и трагедиями. Мы хоронили нашего юного земляка, ставшего жертвой пасмурной стороны этого действа. Той стороны, где новое, к которому мы стремились, кто-то упорно старался залить кровью и умертвить страшной вакциной, имя которой — национальная рознь.

В далеком Баку пуля боевика оборвала жизнь коренного благовещенца, воина срочной службы Ярослава Вакуленко. Вечная ему память. Да не исчезнет со страниц ее имя человека, честно выполнившего свой долг, спасавшего от геноцида некоренное население азербайджанской столицы.

Мы сидели со старшим лейтенантом Юрием Коном неподалеку от гроба с телом Ярика (так родные звали его) и вели разговор. Юра привез «цинк» вместе с двумя своими бойцами и теперь, измученный долгой дорогой и напряженными солдатскими буднями последних недель, присел немного отдохнуть. Траурная обстановка гарнизонного Дома офицеров, где был

установлен гроб, с ее многочисленными венками и цветами, заплаканными лицами и бесконечным шарканьем ног тех, кто пришел проститься с земляком, вроде бы не располагала к отдыху, но парень зверски устал. В своем пятнистом камуфлированном одеянии он походил на человека, только что вернувшегося с поля боя.

— Наша часть и до введения чрезвычайного положения дислоцировалась в Баку, — слушал я рассказ Кона. — Мы осуществляли охрану зданий ЦК Компартии Азербайджана, Верховного Совета и других. Основные же войска, подтянутые к Баку в связи с напряженной обстановкой, находились за чертой города. А чтобы они не вошли в него, их блокировали люди из Народного фронта Азербайджана. В это время, чувствуя полную безнаказанность, азербайджанские националисты устроили настоящий геноцид в городе. Резали армян, издевались над ними, грабили, насиловали… Милиция в большинстве случаев бездействовала.

В ночь с 19-го на 20 января в связи с чрезвычайным положением в Баку стали входить войска. Входили со стороны аэропорта. На их пути устроили настоящие завалы — улицы были перегорожены автомобилями. Войскам буквально не давали продвигаться. В солдат летели бутылки с зажигательной смесью, по ним стреляли из автоматов. Обстановка была чрезвычайно тяжелая. Чтобы как-то заставить боевиков одуматься, был дан предупредительный огонь.

— Какой приказ был у войск? — спрашиваю.

— Министр обороны Язов дал приказ действовать в соответствии с Уставом гарнизонной и караульной службы.

— И как выполнялся этот приказ?

— Сейчас люди из Народного фронта Азербайджана говорят, что мы устроили кровавую бойню, — сказал Юра. — На самом деле все было не так. Я все видел собственными глазами, поэтому заявляю со всей ответственностью: зверства творили сами боевики.

— Ходят слухи, что солдаты стреляли по всему, что двигалось и шевелилось в городе…

— Это с целью запачкать армию кровью распространяют сейчас подобные слухи. Я отлично помню: солдаты стреляли только по вооруженным людям, а по женщинам и детям, по людям невооруженным огонь не открывался.

— Вы с Ярославом Вакуленко служили в одной части… Расскажите, при каких обстоятельствах он погиб, — прошу лейтенанта.

— После ввода наших войск и гибели бакинцев в городе был объявлен траур, во время которого террористы не вели против нас боевые действия. Траур длился с 21-го по 23 января. С горечью вспоминаю день похорон. В Баку есть парк имени Кирова — в нем до недавнего времени находился памятник Кирову; в этом же парке похоронен национальный герой Азербайджана, Герой Советского Союза Ази Асланов…

При упоминании этого имени у меня дрогнуло сердце: боже мой, да ведь это тот самый генерал Асланов, командир Краснознаменной танковой бригады 3-го гвардейского механизированного корпуса, с которым мой отец прошел всю войну.

— Так вот, памятник Кирову азербайджанцы снесли, — продолжал Юра, — а своих боевиков, можно сказать убийц, уголовников, похоронили на аллее как героев рядом с Аслановым. Позор!

Двадцать четвертого января, когда траур закончился, боевики возобновили свои действия. Стрельба велась с чердаков, из засад по военным и гражданским лицам из русскоязычной части населения. Делалось это, говорит Юра Кон, с одной целью — для возобновления хаоса в городе, для того, чтобы люди жили в постоянном напряжении. Кому-то подобный хаос был выгоден. Кому? Думаю, коррумпированным элементам, уходящим до поры от правосудия за свои темные дела. Кстати, для бакинцев это не секрет, об этом они постоянно говорили.

Ярослав, по словам Юрия, погиб 24 января в 5 часов утра — в составе подразделения он охранял тогда важный объект. Пуля боевика попала ему в голову…

…Худощавый, скуластый, со спокойным выражением лица, лежал он в окружении людей и венков. А люди шли и шли к нему — будто бы каждый хотел забрать хотя бы малую крупицу той огромной боли, что обрушилась на мать убиенного. Хотя на одну ли ее? Я уже знал, что там, в Баку, погибло много наших мальчишек. Среди них был и выпускник одного из военных вузов Благовещенска (Дальневосточного высшего общевойскового командного училища) лейтенант Цымбалюк.

— Ты его знал? — спрашиваю Юрия.

— Нет, но слышал о нем. Кстати, в нашей части служит другой выпускник ДВОКУ, лейтенант Валерий Флюстиков. Он тоже в те роковые дни принимал участие в охране Сальянских казарм. Там находятся склады с боеприпасами, которые боевики хотели захватить.

— Скажи, а среди вас есть те, кто имеет боевой опыт, кто воевал, например, в Афганистане?

— У нас вся часть афганская. Я тоже полтора года служил в Афгане…

— И снова в бой? Не надоело воевать?

— Надоело, особенно надоело «груз 200» возить... Из Афганистана я двоих на «черных тюльпанах» увозил, теперь вот из Азербайджана.

Следующий вопрос, который я задам боевому офицеру Юрию Кону, тогда мучил многих: оправдан ли был ввод войск в столицу Азербайджана?

— Конечно! — не задумываясь, отвечает Юрий. — В Баку разгоралось пламя геноцида. Долг любого государства защитить своих граждан.

— А кровь продолжает проливаться…

— Да, продолжает. Перед моим отъездом в Благовещенск боевой офицер-афганец погиб. Пуля не нашла его на чужой земле, так нашла на своей. Ведь Азербайджан — это наша, советская земля.

— Ты женат? — спросил я его.

— Да. Как только началась заваруха, мы своих жен и детей увезли в часть, а потом — на «борт». Даже не знаю, где сейчас находятся мои жена и дочка. Вот похороним Ярослава — поеду их искать…

Доброго тебе пути, старлей, подумал я. Долгой жизни, удачной службы. А вот для Ярослава Вакуленко и служба, и жизнь (страшно подумать!) закончились. И та, и другая — досрочно. Несправедливо!

— Да, несправедливо, — соглашается со мной благовещенский врач Веретенников. Анатолий Борисович вместе с отцом Ярослава Александром Яковлевичем Вакуленко шесть лет учился в местном медицинском. Последний был старостой на их курсе. Да и сейчас бывшие однокашники поддерживают тесные отношения. — Насколько я знаю, Ярославу оставалось служить до весны. В январе он приезжал домой на побывку, и вот погиб… Горе постигло человека, который помогает людям появляться на свет Божий. Ведь отец Ярика — акушер-гинеколог, через его руки проходит каждый новорожденный ребенок. Он помогает людям независимо от национальности.

…Под звуки траурного марша в сопровождении почетного эскорта воинов гарнизона благовещенцы провожают Ярослава Вакуленко в последний путь. Я следую за траурной процессией. Прости нас, мальчик, что мы не уберегли тебя. Прости и прощай. Пусть земля тебе будет пухом…

…Текут вязким потоком по стране реки раздора. Гибнут люди в слепых побоищах. Невосполнимые потери несем мы, ибо из наших рядов уходят те, кто мог бы принести своей родине пользу.

— Когда я приехал в отпуск в Благовещенск и мне рассказали, что Игорь погиб в Азербайджане, я не поверил вначале, — говорил мне лейтенант Дюбин. — Мы с ним учились на одном курсе. Хорошим он парнем был. Спокойным, чуточку, правда, самоуверенным. Особо от всех нас, курсантов, он не отличался, но кое-какие, свойственные только ему черты назвать могу. Например, он был парнем компанейским, легко вступал в контакт с людьми. Увлекался спортом, играл в волейбол. Нет, трудно поверить в то, что он погиб. В наше-то время, в своей стране? Это же не Афганистан. Разговаривал с ребятами, с кем учились в училище. Обида у всех — за что погиб Игорь?

Суконно факт гибели можно изложить примерно так: «При исполнении служебных обязанностей, участвуя в предотвращении конфликта в Нагорном Карабахе, на двадцать втором году жизни погиб командир взвода внутренних войск лейтенант Игорь Васильевич Цымбалюк».

— Где-то 13 января мне позвонили из управления внутренних войск МВД СССР по Дальнему Востоку и Восточной Сибири, которое находится в Хабаровске, и сообщили, что звонил начальник политуправления ВВ УВД СССР и сообщил о гибели дальневосточника Игоря Цымбалюка, — рассказывал мне офицер внутренней службы Ю. Г. Тушин. — Меня попросили выполнить очень трудную миссию — разыскать жену погибшего офицера и сообщить ей об этом факте. Было известно: Лидия Цымбалюк незадолго до гибели мужа уехала к матери (она ждала ребенка и уехала на родину рожать. — *А. В.*), проживающую в городе

Благовещенске. Сообщать о горе — миссия нелегкая, но куда денешься. Когда я пришел в дом родственников Игоря, — продолжал офицер, — и увидел заплаканные лица, понял, что они уже все знают. Оказывается, рано утром им позвонили с телеграфа и сообщили о трагедии.

...Биография Игоря коротка, как вспышка мальчишеской радости. Родился в 1968 году в Приморье. После окончания средней школы в 1985 году поступил в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище. За успехи в учебе, дисциплинированность, высокие спортивные показатели неоднократно поощрялся командованием. В 1989 году успешно окончил училище и в звании лейтенанта был направлен для прохождения службы в Калининград...

Скупые отрывки биографии. Но, может, именно они дадут нам возможность понять смысл его короткой жизни?

В Калининграде Игорь узнал, что во внутренние войска МВД СССР требуются офицеры. Время было суровое, конфликты в стране следовали один за другим, и порой именно солдатам и офицерам внутренних войск приходилось первыми вступать в бой. Почему Игорь без колебаний согласился поменять род войск и написал рапорт о переводе, — о том можно теперь только догадываться. Видимо, решил, говоря высокопарным слогом, проверить себя. Или же причиной тому все та же излишняя самоуверенность, о которой говорил мне один из его товарищей? Не знаю. В молодости нами часто движут благородные порывы и мы не обращаем внимания на то, что нам подсказывает здравый смысл. И в этом есть нечто закономерное и очень важное для понимания сущности человека. Наверное, если бы мы всегда держали себя только в безопасных рамках, нам было бы скучно жить.

Пятого декабря 1989 года Игоря направили в командировку в Нагорный Карабах. Он исполнял обязанности командира роты в городе Мартуни. Оттуда иногда звонил жене, не скрывая, по ее словам, говорил о том, что положение в автономной области серьезное, но он был тверд в своем выборе и хотел помочь людям поддержать мир в их доме.

Из письма Игоря Лидии: «...Обстановка здесь серьезная. Только что получили сигнал о том, что в пяти километрах от города Агдам вооруженная толпа блокировала участок дороги. Вот пока находимся в готовности — черкну пару строк. Но за меня не переживайте, все будет хорошо...»

Говорят, солдаты любили своего командира. Видимо, за его откровенность и справедливость. Лидия же вспоминает, что он всегда говорил то, что думал, никогда не кривил душой. Он хорошо пел под гитару, был очень общительным, как говорится, был душой любой компании. У него было много хороших друзей, которым он доверял и всегда приходил на помощь в трудную минуту. Был...

О подробностях гибели Игоря Лиде сообщили ребята — сослуживцы мужа. Они приехали на далекий Дальний Восток, чтобы проводить товарища в последний путь...

...Поздно вечером 11 января 1990 года лейтенант Цымбалюк вместе с младшим сержантом Сапфиловым отправился проверять посты в селе Ахулу. Когда подходили, увидели, что под покровом темноты неизвестные лица перетаскивают тяжелый груз из грузовиков в металлическую будку. Заподозрив неладное, лейтенант с автоматом в руках вошел в будку и там увидел пять-шесть человек в милицейской форме и столько же боевиков. Цымбалюк подал команду: «Руки вверх!» — и стал выводить их на улицу, предварительно дав еще одну команду — разоружиться. Милиционеры стали показывать свои служебные удостоверения, обступили Игоря; неожиданно боевики нанесли удар по голове Сапфилову, а следом и его командиру. Руками и ногами они жестоко избивали воинов. Через какое-то время Игорь приподнялся на руках и позвал на помощь. Один из милиционеров со словами «Ты еще жив?» — выстрелил ему в спину под бронежилет.

Игорь получил тяжелое ранение, но успел рассказать подробности случившегося подоспевшим на помощь товарищам.

Когда Игоря привезли в Гадрутскую больницу для оказания первой помощи, он просил сделать что-нибудь для того, чтобы остаться живым. Ведь он в скором времени должен был стать отцом, о чем очень мечтал... Можно представить себе потрясение медиков, ставших свидетелями человеческой трагедии.

После нескольких операций состояние Игоря не улучшилось. Но он крепился из последних сил. Ребята рассказывали, что ему удавалось даже шутить и улыбаться.

Наверное, это стоило ему неимоверных сил…

Из Мартуни Игоря отправили в военный госпиталь, что находился в Тбилиси. Вскоре он произнес свои последние в жизни слова: «Все, мужики, я умираю...» — и потерял сознание. Потом несколько часов медицинские работники госпиталя пытались его спасти, но увы… Тяжелое ранение оказалось сильнее его молодой жизни. А как он хотел жить!

Семнадцатого января родные и близкие, друзья, а также сотни и сотни жителей поселка Кировское Приморского края, где Игорь родился и вырос, провожали своего земляка в последний путь. В зал районного Дома культуры, где был установлен гроб с телом погибшего, шел нескончаемый поток людей.

— По телевизору показали похороны офицера, — рассказывал мне военнослужащий из Приморья Константин Пряников. — Тысячи людей, в глазах боль и гнев. Такого я никогда не видел…

…В благовещенской квартире, где жили родители Лиды, где осталась жить и она, переживая свое горе, меня встретили приветливо и тепло. Милые люди. Они только что отметили сорок дней со дня гибели Игоря. Галина Михайловна, Лидина мама, показала мне два альбома, посвященных памяти погибшего, которые любовно и бережно были сделаны руками Лидии. В одном альбоме языком фотографии изложена вся короткая биография Игоря. Вот он совсем маленький, здесь школьник, а на другом снимке — выпускник десятого класса запечатлен вместе с родителями. А вот он уже курсант, вот свадебные фотографии…

В другом альбоме, посвященном последним дням Игоря, дюжина вырезок из газет, в которых упомянуто имя геройски погибшего воина. Вырезки из «Красной Звезды», «Аргументов и фактов», из «Советского патриота», из «Известий». Газета «Советский Карабах», читаю статью «Тяжелая утрата»: «Армяне Арцаха, все честные люди глубоко потрясены. С болью в сердце восприняли они весть о трагической гибели советского офицера лейтенанта Игоря Цымбалюка…»

За газетными вырезками начинаются телеграммы, которые пришли со всех концов страны в адрес родственников погибшего. Но вот первая жгущая глаза и душу телеграмма, которая пришла в Благовещенск ранним утром 13 января.

«12 января 1990 года при исполнении служебных обязанностей…»

— Нам рассказывали, — говорит Галина Михайловна, — что на 24 января в Карабахе боевиками намечался переворот. Можно сказать, смерть Игоря явилась тем толчком, который впоследствии изменил ход событий. В войсках была объявлена тревога, и боевики отступили в горы. Люди говорят: Игорь своим телом закрыл жизни женщин и детей.

— А убийца? — спрашиваю.

— Убийца, милиционер Гусейнов, пойман и предстанет перед судом…

А потом я смотрел фотографии, сделанные в Приморье во время похорон Игоря…

Боль еще жива в этом доме. И об этом напоминает все: и свежие гвоздики возле большого портрета Игоря, и сам портрет… Кстати, это единственная фотография Игоря, где он снялся в офицерской форме. Ведь жизнь только начиналась. Большой и сильный смотрел он с фотографии на мир.

— Если будет девочка, назову ее Катей, — говорит мне Лида.

— А если мальчик?

— Игорем…

— Скажи, Лида, ведь все могло бы повернуться в его судьбе иначе?..

— Он сам выбрал свой путь. Помню, прибежал — весь взволнованный, глаза горят. Я, говорит, перехожу в войска МВД. Я ему: ты думаешь, что делаешь? А он: я знаю, на что иду…

— Чем ты сейчас живешь?

— Сейчас нужно думать о будущем, о ребенке, который родится… живу и еще не верю, что его нет…

Я гляжу на фотографию, в лицо красивого и мужественного человека, и мне тоже не хочется верить, что его нет. Вечная ему память, этому парню с жадными до жизни глазами.

…А в селе Ахулу Гадрутского района, где погиб Игорь, на средства армянских и азербайджанских жителей в память о нем поставлен обелиск. Сохранился ли он после того, как распался Советский Союз? Может, ненужным оказался, неактуальным для тех, кто живет сейчас в новом государстве под названием Нагорный Карабах? Может, его и в помине уже нет? Все может быть, все может быть. Людские пути, как и Господни, увы, неисповедимы…

…Исковерканные пожарищем алые гвоздики были похожи на капли запек-

шейся крови. Они лежали на мертвом пепелище укором всем нам, кто со смешанными чувствами проходил в это утро мимо сгоревшего киоска цветов в Благовещенске. Но вот я вдруг услышал: «Да что же это стало с нами?!» — и тяжелый груз свалился с души. Я понял: люди приходят в себя после шока, после дыма ненависти и растерянности. Они начинают думать и анализировать. Уже я слышу больше слов осуждения, чем одобрения. А ведь подожжены были ларьки, принадлежавшие азербайджанским кооператорам. При этом времени со дня событий в Баку прошло совсем немного. А еще совсем недавно, когда мы хоронили нашего солдатика-мальчишку, погибшего от руки боевика в столице Азербайджана, Благовещенск был буквально охвачен слепой ненавистью. Помню, как какая-то женщина (женщина!) призывала мужиков: а вы что смотрите — коль они там нас убивают, идите и громите их здесь. Страшно было это слышать, имея за плечами дорогу длиною в семьдесят с лишним лет, по которой общим братским потоком шли пятнадцать союзных республик… Все естество противилось, ум не желал воспринимать слова той обезумевшей от ярости женщины. Но вот кто-то же нашелся и сказал другие слова. Слова, которые отрезвляют. У кого-то хватило сил быть в здравом уме…

…Боль и страх. Они царили тогда повсюду. И вот я думаю: до какой крайности нужно было дойти, чтобы у себя, в родном городе, просить писателя в случае опубликования ее рассказа о бакинской трагедии не называть ее фамилии.

— Я боюсь их, — сказала она и при этом многозначительно взглянула на дочку Дашеньку, которая крутилась тут же. И я понял ее…

У Светланы Михайловны К. и ее двух малолетних детишек статус беженцев. Это совершенно новая категория людей, появившихся в Приамурье. До этого мы знали, что беженцы бывают только на Ближнем Востоке да еще кое-где за бугром. Теперь дожили до этого и мы. Увы…

Чтобы понять и проникнуться психологией того, что происходило в январские дни 1990-го в Баку, нужно было выслушать эту молодую, обожженную горем женщину. Прямо скажу: человеку стоило огромных сил, чтобы вновь прожить ту беду, от которой бежала несколько дней назад. Впрочем, я уже успел из первых уст услышать многое, когда мы хоронили Ярослава Вакуленко, погибшего в Баку. Но то был рассказ военных, привезших «груз 200». Сейчас же говорила женщина.

— Летом 1989 года по направлению моего мужа-военнослужащего мы выехали в город Баку, — рассказывала Светлана Михайловна. — Вначале два с половиной месяца жили на частной квартире. Кстати, квартира принадлежала армянским беженцам, семье, которая, испугавшись надвигающихся погромов, оставила город. Чтобы как-то материально помочь своим детям, их мать и сдавала квартиру. Обстановка была такая: Баку оставляло все больше и больше семей армян. Началась спекуляция с контейнерами. Вначале «черная» цена контейнера-пятитонника была пятьсот рублей, а потом она подскочила до тысячи.

— А русскоязычное население? Как оно себя чувствовало? — спрашиваю.

— Нас до поры не трогали. Но кто-то постоянно нагнетал напряжение. А вот простые люди относились к нам нормально. В начале осени пошли забастовки коренного населения. Опять же кто-то людей толкал на это. Родители стали опасаться за своих детей, поэтому на протяжении всех месяцев этого учебного года они провожали и встречали их из школы. Потихоньку стали звучать угрозы и в нашу сторону. Дескать, вот выгоним армян — возьмемся за русских. В воздухе висело напряжение. Было неуютно. Но мы, русский народ, — оптимисты. Надеялись, что это пройдет.

Когда мы переехали в новую квартиру в микрорайоне — это минут сорок пять на автобусе от центра, — стали особенно ощущать напряжение, — продолжает свой рассказ беженка. — Дело в том, что и в нашем доме, и в соседских домах жило немало «еразов» — ереванских азербайджанцев, бежавших из Армении в Азербайджан. «Еразы», как вы знаете, были несправедливо обижены, они и являлись той пороховой бочкой, для которой достаточно было только одной искры…

— Вы помните ту ночь, когда в Баку вводили войска?

— Девятнадцатого января примерно в 20 часов перестали ходить автобусы. В нашем микрорайоне находилась конечная остановка. Так вот, автобусы, автомобили окружили полукольцом микрорайон и включили звуковые сигналы. Не выключали их примерно до полуночи. Такой вой стоял!

Естественно, люди были встревожены. Выходили на балкон: что случилось? Когда мы увидели, что к автобусам потянулись толпы азербайджанских мужчин, поняли: случилось что-то чрезвычайное. Я уложила детей спать, а сама встала у окна и начала наблюдать за всем, что происходило на улице. Соседи поступили таким же образом. Я молила Бога, чтобы мой муж, который должен был возвращаться в это время со службы домой, не повстречался с разъяренной толпой. В час ночи муж, с трудом прорвавшись сквозь заградительные пикеты, все-таки добрался до дома.

Этой ночью в город были введены войска…

Утром из окна мы увидели толпы азербайджанских мужчин (женщины у них не занимаются политикой). Муж попробовал выехать на службу, но не смог. Позвонил в свою часть. Кроме него, многие офицеры, жившие в микрорайоне, не смогли выехать на службу. Транспорт, который за ними посылали, не смог пробиться через заградительные пикеты, которые боевики устраивали повсюду. Целые сутки мы сидели, не зная, что будем делать дальше. Телевизор не работал, радио не вещало. Тишина.

Потом мы, пять офицерских семей, собрались в одной квартире, принадлежавшей офицеру войск МВД. Мы с волнением обсуждали происшедшее, вместе готовили еду… Короче, жили по законам военного времени. Каким-то образом к нам пробрались два солдата с автоматами и стали охранять нас и наших детей. Их было девять маленьких душ. Положение было жуткое…

Вспоминая те часы, Светлана Михайловна испытывает великое волнение. Будто бы она вновь оказалась ТАМ…

— Моему мужу наконец удалось пробраться в часть, а я с детьми стала ждать эвакуации.

Беженцев в городе было в тот день очень много. Кто-то бежал из Баку самолетами, кто-то по железной дороге. Часть семей военнослужащих отправилась морем. Но 19 января еще можно было это сделать, а 20-го азербайджанцы выставили на море пикеты из кораблей. Мой сын еще тогда спросил: «Мама, а почему нам говорят, чтобы мы уезжали из города, а сами нас не пускают?» Страшно было сказать ему, что, наверное, над нами хотят в лучшем случае поиздеваться…

Мы переехали в казармы. Когда мы там жили, нам запрещалось выходить из помещений: боялись снайперов, ведь территорию части боевики обстреливали со всех сторон. В такой тревожной обстановке мы пробыли до 21 января. В этот день рано утром, когда боевики не ожидали, нас, десятки семей, неожиданно отправили на военный аэродром. Надо было видеть, что творилось в битком набитом транспортном самолете! Смертельно уставшие женщины, плачущие дети… Беда! Мы плакали от горя, плакали, боясь за своих мужей, которые остались нести службу…

В Москве к беженцам отнеслись хорошо. Некоторое время мы жили в военных казармах. Мы видели семью капитана, погибшего при вводе войск в Баку. Мы видели десятки раненых, которых привезли в госпиталь. Страшно… Что случилось с нашей страной?

…И впрямь — что?

В Тамбовском районе Амурской области несколько десятков семей, по переселению приехавших из Азербайджана (идея переселить часть азербайджанцев на Дальний Восток возникла в конце семидесятых XX столетия). Этот район вообще многонациональный. Только на территории Раздольненского сельского Совета проживают люди двенадцати национальностей. Среди них — восемьдесят шесть азербайджанцев. Какие они? По словам одного из руководителей совхоза «Партизан» А. А. Суржикова, они ничем не отличаются от остальных крестьян. Живут, трудятся, мир с соседями установили прочный. К ним тоже по-доброму относятся селяне. Коли сам добр, и к тебе по-доброму, говорят в народе.

В то время, о котором идет речь, еще живы были парткомы. Так вот заведующая идеологическим отделом Тамбовского райкома партии А. Г. Суслова говорила мне об азербайджанском населении с уважением:

— У селян отличное к ним отношение. Кого угодно спросите. Работают они хорошо, с людьми уживаются. Как себя чувствуют после событий в Баку? (Речь идет о волне геноцида против армянского и русского населения республики в 1990 году.) Шестеро из них в партию решили вступить…

Человек проявляется в экстремальной ситуации. Это — истина. Не помню, чтобы амурские азербайджанцы в ту недобрую

пору проявили себя с неблаговидной стороны. Напротив, они, как мне показалось, очень переживали. Кто-то, конечно, боялся за свою жизнь (в самом деле, кто мог знать, как отреагирует население Приамурья на то, что творилось тогда в Азербайджане), кому-то было стыдно за поведение своих братьев в далекой прикаспийской республике. Несколько семей азербайджанских переселенцев в ту пору жили и трудились в колхозе «Амурский партизан».

— У нас в Косицино тоже работают азербайджанцы, — говорил мне управляющий вторым отделением В. К. Степаненко. Прежде всего Василий Кондратьевич называет Мишу — Мирмехти Мирсале оглы Абдуллаева. (Мы его так и зовем — по-нашему. Не обижается.)

Мирмехти приехал в колхоз в 1986 году с женой и двумя дочерьми. Здесь уже появилась третья дочка. Он бригадирствовал тогда на молочной ферме. Жена Салама (селяне зовут ее на свой лад — Соней) — доярка. Как выразился Василий Кондратьевич, работает как все местные передовики, даже чуточку лучше.

— Кроме них, у нас работает и семья Исрафиловых, — говорит управляющий. — Глава семьи был звеньевым на откорме молодняка, — теперь здесь же бригадирствует. А супруга его — доярка на ферме. Оба — и он, и жена — работают здорово. Есть еще один хороший работник из азербайджанцев — это Николай Галандаров. Он в полеводческой бригаде, тракторист.

Мирмехти Абдуллаева я отыскал на молочнотоварной ферме. Встретил он меня по-кавказски — с достоинством, но, тем не менее, настороженно. Тревожными были те дни: вокруг только и разговоров, что о событиях в Баку; вот и Мирмехти чувствовал внутреннее напряжение, тяжело переживая все, что случилось на его далекой родине. Я попросил Абдуллаева рассказать о его родном Ленкоранском районе республики, о родителях. Короче, обо всем, что ему дорого.

По словам Мирмехти, жил он в самом настоящем курортном районе, где и холодов-то не бывает зимой и где сады цветут и плодоносят чуть ли не круглый год. В общем, страна цветов и витаминов — не меньше. Легко ли было покидать такой райский уголок? Как чувствует он себя в нашем суровом климате?

— Мне нравится здесь, — говорит Мирмехти. — Вначале трудно было, а потом привык. К работе привык, к людям привык. Сейчас могу в любой дом зайти — и меня примут как своего. Мы здесь уважаем друг друга.

Спрашиваю его: как он, бывший строитель, «ухитрился» сделать сельскохозяйственную карьеру? Ведь, насколько мне было известно, начинал он в колхозе разнорабочим. А вот так: животноводческое дело понравилось, захотел его освоить. С благодарностью вспоминает тех, кто, не считаясь со временем, помогал ему осваивать новую профессию. И первым Мирмехти называет зоотехника отделения Т. Н. Беляшову. Это ее стараниями бывший банщик, бывший, как говорится, мальчик на побегушках Мирмехти Абдуллаев стал классным животноводом, возглавил бригаду на откорме молодняка. Теперь вот возглавил бригаду очень ответственного здешнего цеха — молочного.

— В прошлом году поступил в Благовещенский сельскохозяйственный техникум, — говорил он мне. — Буду квалифицированным зоотехником.

Спросил его насчет материальной стороны дела.

— Живется неплохо, — отвечает. — Зарабатываю столько, сколько в Азербайджане простому человеку не заработать.

— Дом есть, хозяйство?

— У меня домашние условия хорошие, — говорит. — Через шесть месяцев после того, как приехал сюда, мне дали новый деревянный дом. Есть хозяйство — корова, телка, бычок.

— А овцы?.. Как же так — кавказец и без овец! — шучу.

Эту шутку он воспринял вполне серьезно.

— Баранов здесь очень трудно купить, — сказал он.

А потом Мирмехти с мальчишеской восторженностью начинает рассказывать о том, как на глазах меняется облик его родного (именно уже родного!) села Косицино. Дескать, когда в первый раз с женой увидели его — не понравилось, даже уехать хотели. Плохо жили люди. В селе не было объектов соцкультбыта, условия работы на производстве тяжелые. Теперь-де все меняется. И Дом культуры вот-вот вступит в строй, здание под молодежное кафе уже есть, видеозал в клубе работает. Скоро и школу новую построят. Дома жилые строят, много домов…

— Хорошее руководство у нас, о людях заботится, — говорит Мирмехти. — Все просьбы наши выполняет.

Он рассказывает, как за последние годы изменились условия труда животноводов, как стало хорошо работать. Да я и сам видел это, совершая экскурсию по молочно-товарной ферме. Просторные помещения для скота, чисто, светло. В хорошем состоянии раздевалка, душ, чисто и уютно в красном уголке…

И все же трудно перебороть ему внутреннее напряжение. Рассказывает, а глаза выдают его состояние. Еще бы! Раны Баку кровоточили тогда повсюду.

— Что ж, если нас выгонят из Амурской области, поедем к себе домой, — говорит мне азербайджанка Лейла Кулиева. — Только как тогда быть? Муж — армянин, ему — в Армению? Мне — в Азербайджан? А сыну куда? У него ведь смешанная кровь. Сын услышал о нашем переезде, говорит: «А вы меня что же, на границе Азербайджана и Армении оставите жить?»

Беда. Но в нее еще очень трудно верится.

— Не верю, что я не могу сейчас поехать в Баку, — сокрушенно говорит муж Лейлы Сурхай Габрилян. — Так и хочется взять сейчас и поехать туда. Неужели кто-то на меня там руку поднимет?

Для Сурхая Баку — родной город. А вообще-то он родился и рос в одном из горных сел Нагорного Карабаха. Как и в Баку, он там давно не был. Поэтому, не веря в то, что там что-то изменилось, живет старой — доброй памятью. А в памяти одно: жили в Нагорном Карабахе и азербайджанцы, жили армяне, жили русские, и все у них было как у добрых соседей.

— Неужели, — удивляется Сурхай, — там могло за эти годы все измениться?

Не хочет он в это верить. Телевизор смотрит, в газетах читает, что произошел разлад, и все равно не верит. Но вот в 1988 году отправил Лейлу погостить к себе на родину. Родственники встретили, как и прежде, как самую дорогую гостью, но вот соседи… «Азербайджанка! У-у-ух!» — прокатилось эхо слепой неприязни. И она первой в семье поняла: что-то произошло… Сегодня она растеряна, до глубины души возмущена тем, что добрые когда-то соседи и в ее родном Баку, и на родине мужа вышли на тропу войны…

— В бакинском доме, где жила моя мама, — рассказывает Лейла, — процентов шестьдесят армянских семей жило. И в горе они были вместе, и в радости. Чего было простым людям делить? Мама моя очень хорошо готовила еду, и армяне часто приглашали ее помогать готовиться к праздникам. Когда мой брат вернулся из армии, он первым делом пошел к другу-армянину…

— В 1982 году мой отец умер в Нагорном Карабахе, — говорит Сурхай. — Так я на похороны ездил из Баку с друзьями-азербайджанцами…

Лейла и Сурхай в Приамурье приехали по переселению в 1984 году. Вначале жили и работали в селе Красном (это совхоз «Корфовский») Тамбовского района. Показали себя хорошими работниками. Позже их пригласили в самый знаменитый в районе совхоз «Партизан». Вот там на одном из отделений его, в селе Рощино, они теперь и работали. Он — скотником, она — заведующей детскими яслями. При этом работали, как и прежде, добро.

Сидели уважаемые Лейла и Сурхай рядом со мной, и сердца их были полны тревоги: они много пережили за те дни.

— Стыдно за все то, что произошло в Баку, — говорит Лейла. — Не хочется верить, что мои земляки способны на это…

— Вам нечего стыдиться. Вы честно трудились, у вас мир с соседями, — говорю.

— Все равно стыдно, — качает она головой.

— Конечно, национальную грызню затеяли не простые люди, — говорит Сурхай. — Затеяли ее те, кому не по душе перестройка. Такие ищут пути, чтобы мешать нам жить и работать.

Да, эмоции тогда захлестнули наших кавказских друзей. Я сидел и ждал, когда и моих новых знакомых «прорвет» в разговоре. Нет: кавказский темперамент подавлен в них благоразумием. Подумал о том, что иным нашим землякам следовало бы этому поучиться. Это я о тех, кто, не совладав со своими эмоциями, устроил погромы цветочных ларьков в Благовещенске, принадлежавших азербайджанцам; тех, кто косо смотрел на каждого, своим обликом напоминавшего кавказца.

— Спекулянты всякие компрометируют наши народы. — А это откровение меня немало удивляет. Но видя то, как решительно настроены Лейла и Сурхай, я начинаю им верить. — Я бы, — говорит Сурхай, — вообще запретил всяким

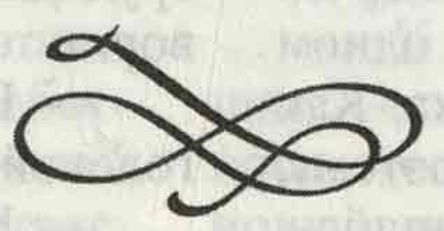
спекулянтам торговать в Благовещенске. Даже цветами.

— Вы знаете, сколько в Баку стоит один цветок гвоздики? — спрашивает Лейла. — Копейки. А здесь спекулянты во много раз дороже продают. Вот и представьте, сколько они получают, если у них в парниках дома миллионы цветов! Из-за них стыдно смотреть в глаза людям. Ведь те, наверное, думают, что кавказцы все такие.

Мне было жаль Сурхая и Лейлу, но чем я мог им помочь? Они в то время были обречены на боль.

— Азербайджанцы в нашем хозяйстве — уважаемые люди, — поделился со мной своими мыслями секретарь парткома совхоза «Партизан» А. А. Суржиков. — А недавно после событий в Баку они и вовсе поднялись в наших глазах. Подходит, значит, ко мне группа рабочих азербайджанской национальности, просит: давайте, мол, проведем собрание и пошлем телеграмму в Баку. Встречу мы с ними провели и телеграмму отправили.

Я видел копию этой телеграммы. Вот ее содержание: «Баку. ЦК Компартии Азербайджанской ССР. Мы, десятки выходцев из Азербайджанской ССР, представляем нашу республику в Амурской области, работаем в орденоносном совхозе «Партизан» с народами двенадцати других национальностей. Живем дружно, мирно, не делим друг друга по национальному признаку. Мы далеко от родины, но наши сердца с вами. Дорогие братья и сестры, нам больно и горько. Обращаемся к вам, к вашему разуму, совести: прекратите братоубийственную войну, остановите насилие. Опомнитесь, люди».

...И вот мы снова хороним мальчишек, погибших уже не в Баку, не в Нагорном Карабахе — в Южной Осетии. Оба они выпускники Дальневосточного военного командного училища, окончили его одновременно в 2007 году. Всего-то год и отвела им судьба, чтобы пожить взрослой жизнью. Несправедливо... А ведь они так любили эту жизнь!

Увы, беда продолжает шагать по нашей многострадальной стране...